

Орлов Александр Анфимович

**Встреча чумы с холерою, или
Внезапное уничтожение замыслов
человеческих**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Анфимович О.**
Встреча чумы с холерою, или Внезапное уничтожение замыслов человеческих / Орлов
Александр Анфимович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-521-26431-5

ISBN 978-5-521-26431-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сказать, Геніи Медицины не могушъ утвердительно сказать, что ты есь. Меня узнали, что я прилипчива и живу прикосновеніемъ, и переносятъ меня не въспренныя крылья, но сами люди изъ страны въ страну; а пошому—уже за тысячи верстъ гошоваютъ мнѣ препоны, поспавляя мнѣ преградою и напуру и искусство; но о тебѣ еще спорятъ. Скажи же ты, что ты такое есь? Хотя насъ породили одни и те же разгнѣванные небеса, но ты загадка, да и загадка - то премудренная; скажи пожалуй, что такое ты, Холера? Такъ говорила Чума?

Ахъ, Кручининъ! вскричалъ Скудомовъ, задрясшійся отъ страха: загрызутъ онѣ насъ; но я ужъ такъ и быть пойду къ Чумѣ; пошому что она безъ крыльевъ; а себя пусть грызетъ Холера; эдакая скверная и спрашная! Какъ она оскалила зубы; глошаешь! глошаешь! смотри - ка, Кручининъ; но что - то хочешь говоришь, послушаемъ.



ХОЛЕРА ОБЪЯСНЯЕТСЯ.

Я есмь самое гнилое существо, или лучше сказать, самая гниль, самая нечистота, эссенция всего смрадного, плесневораго, ядовитого; я есмь все то, что можешь породить раздраженное противъ челоѣчества Небо. Однако я пожираю не всѣхъ. Есмь люди; копорые съ самага младенчества самымъ сложеніемъ своего плѣа предрасположены къ тому, чпобъ я ихъ поѣшла. Свойство мое есмь судороги, корча, рвоша, поносъ; а какъ есмь люди, копорые съ природы предрасположены къ сему, слѣдственно я на шѣхъ и падаю; вообще нравственное развращеніе людей есмь магнитъ, влекущій меня. Испорченная развращаами природа челоѣческая есмь моя мать; въ самой ужѣ испорченной крови челоѣческой паюся я; а потому опъ меня шакowychъ и трудно защишишь и, шакъ сказать, вырвашь все нечиспое, все предрасположенное къ принятію меня. Но я тебѣ сдѣлаю подобіе. Ежели на листѣ бѣлой бумаги наѣлашь сальныхъ полосъ и посыпашь весь

лишь чернымъ порошкомъ : разумѣется, что къ однимъ засаленнымъ мѣстамъ пристанетъ порошокъ. Такъ точно въ мірѣ семъ есть люди, подобные засаленнымъ пятнамъ, влекущимъ меня, и я, подобно черному порошку, падая на родъ человѣческій, похищаю тѣхъ, которые уже испорчены по самой своей нравственной природѣ. Нравственная природа есть источникъ или здравія или болѣзней. Я есмь чадъ, смертоносный утаръ, который, входя въ челоѣкъ, сотрясаетъ всю его нервную систему. Если бы ты появилась въ нынѣшнія времена; то усилія нынѣшняго поколѣнія челоѣковъ изгнали бы тебя; ибо самыя Царственные главы, не ужасаяся моей губительной власти, сами своею личностію идутъ ополчиться противъ меня. Медицина со всѣми своими порошками для меня не ужасна еще, ибо еще я не открыла; но опасно для меня необыкновенное попеченіе Правительства съ его предосторожностями.



КАКИХЪ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ УПЛЕЛОСЬ ОТЪ ХОЛЕРЫ ?

Кручининъ со Скудоумовымъ увидѣли ясно, что должно на что нибудь рѣшиться: или ѣхать въ Москву мимо сихъ чудовищъ, или воропиться назадъ въ пресловутый градъ Чухлому, и, забившись въ свои деревушки, поваливаясь по теплымъ лежаночкамъ. Скудоумовъ и въ самомъ дѣлѣ поворошилъ было назадъ, ибо увидѣлъ, что изъ Москвы ^ѣблагимъ машомъ его брація Скудоумовы, родные и двоюродные, скачутъ на быспрыхъ коняхъ. Запасшись чайкомъ, сахарцомъ, винцомъ всякаго рода, уѣзжающъ въ свои деревеньки, изобилующія всякаго рода хлѣбцомъ, гуськами, курками, цыплятками, ~~ш~~молочкомъ и маслицомъ. Но Кручининъ, принявши бодрый духъ, закричалъ на Скудоумова, и сказалъ: воропи въ ^{въ}Москву, ибо капяшъ изъ Москвы тѣ, въ которыхъ она не имѣетъ нужды. Въ Москвѣ остались папріоты, ищущіе раздѣлить опасность съ своими согражданами, жертвующіе для блага Отечества своими

шрудами, имущесствомъ, даже жизнію, надѣясь на Бога и ГОСУДАРЯ. Оспались въ Москвѣ пѣтѣ благодатныя чада, копорыя начертали на сердцахъ своихъ : *Аще что и вредное испіете во Имя мое, не вѣдитъ вы*; копорыя вооружась шерпѣніемъ, правошю, рѣшимосптію, неколебимосптію помняптъ : *Падетъ отъ страны Твоея тысяща и тѣма, къ Тебѣ же не приблизится зло и рана*; копорыя, ополчасъ, Свяшю Вѣрою, восклицаютъ : *Наступиши на аспіда и василиска и попереси льва и змія*. Сшупай, Скудоумовъ, во Имя Ошца и Сына и Свяшаго Духа, Аминь. Благословенъ грядый во Имя Господне !



РѢЧЬ ЧУХЛОМЦА СКУДОУМОВА КЪ ХОЛЕРѢ.

Смѣльчакъ ! сказала, изумившись, Хо-лера : а во успахъ его Испинна, и Испинна неоспоримая, оправданная всѣми вѣками, всѣми народами, всѣми племенами земными. Но Скудоумовъ, наблюдая свѣтскую учпш-воспъ и политическіе извороты, пригошо-

вился вишійствовашъ, и будучи ободренъ Кручининымъ, а болѣе побуждаемъ мыслию, что ошъ Холеры уѣхашъ не лзя скоро, приступилъ къ ней и началъ рѣчь: Высокоуродливая, синебагрово - смерщельная, корчащая рвоша, судорога, поносъ, или, Богъ знаешъ, какъ назвашъ швою безобразность! Ты ходила по спранамъ далекимъ; но не ходи къ намъ въ Чухлому; поелику въ Чухломѣ взяшь шебъ нечего; да и въ Москву мы не звѣли швою безобразность; ибо ты напугала и спараго и малаго, и бѣднаго и богашаго, и сильного и слабого. Опвѣщай же ты, высокобезобразная; не съѣшь ли ты насъ съ Кручининымъ?

Нимало не прону шебя, Скудоумовъ, съ другомъ швоимъ Кручининымъ, и даже радуюсь, что вы ѣдете въ Москву; ибо по крайней мѣрѣ вы посмотрише шамъ на насъ, чему и я, всемірная спранница, дивилась. Спупайше безбоязненно, добрые люди, и помнише, вопреки вашимъ умникамъ: *Безъ власти Божіей и власъ съ главы не падѣтъ.*



ЧЕСНОЧОКЪ-ТА ВЗДОРОЖАЛЪ, И НА МОЖЖЕВЕЛЬНИКЪ ЧЕСТЬ ПРИШЛА.

Скудоумовъ, не полагаяся на ласки Холеры, такъ какъ на ласки всѣхъ злыхъ, которымъ довѣряшь воспрещаетъ и самое благоразуміе, ударилъ коней ременникомъ и взѣхалъ въ Крестовскую заспаву. Взѣхавши на поспоялой дворъ дяди Влаѣа, спариннаго своего пріятеля, увидѣли они его, похаживающаго по двору и окуривающаго можжевельникомъ всѣ углы и сполбы своего двора. Не вовремя-спа пожаловали, вскричалъ Влаѣа; акая у насъ сумашоха; видимо и невидимо изъ Москвы народъ валишь.—Богъ милосшивъ! вскричалъ Кручининъ, ѣ възшолъ въ хашу. Хапа была увѣшена чеснокомъ, напизаннымъ на нипки. Вопъ! сказалъ дядя Влаѣа, възшедши вдругъ въ хашу: бывало у меня чеснокъ валяется по лавкамъ и полащямъ; а нынѣ всѣ и гряды перекопалъ, чшобъ въ землѣ не оспалось ни одной чесноковинки. По двадцаши, сударь, рубликовъ, говорящъ, за чешверичокъ плащящъ; да и шо, шоль-

ко дай!—Да опъ чего же это такъ? спросилъ Кручининъ. А опъ того, я думаю, опвѣчалъ Власъ: что многіе съ ума сходяшъ, полагая, что чеснокъ естъ прошивудіе для всѣхъ ядовъ. Не что: оно хорошо, покуривашъ можжевельничкомъ для духу; а ужъ вѣришъ, чтообъ чеснокъ былъ вседѣйствующее лѣкарство — я не согласенъ.

Скудоумовъ и Кручининъ, поговоривши съ Власомъ, и пошуживши, вышли изъ хапы, и на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ ничего не видали, кромѣ возовъ можжевельника. Улицы были пуспы и вмѣсто прежняго шума воцарялось глубокое молчаніе. Скудоумовъ, прошедши улицъ пять, остано¹вился и спросилъ Кручинина: бывало на здѣшнихъ улицахъ моей брашья Скудоумовыхъ шмы и идушъ и ѣдушъ; а нынѣ куда они дѣвались?—Поелику рѣдкой изъ Скудоумовъ не имѣешъ доспашка, опвѣчалъ Кручининъ: шо Скудоумовы или разѣхались по деревенькамъ, или заперлись въ своихъ спѣнахъ, чтообъ не видашъ и не слыхашъ о томъ злѣ, кошорое

кладешъ печать свою во многихъ мѣстахъ. — О! вскричалъ Скудоумовъ: такъ богатымъ Скудоумовымъ жить не дурно. Да и въ самомъ дѣлѣ, что намъ за дѣло до другихъ! Мы же, вѣдь, собой не спасемъ ихъ!—Въ сіе самое время увидѣли они человека лѣпшъ въ шридацшъ, скидающаго съ себя капотъ и продающаго за самую дешевую цѣну. Скинувши капотъ, онъ началъ дрожать. Опъ чего это, голубчикъ, сказалъ Скудоумовъ, продаешь задешево капотъ; а самъ въ немъ имѣешь; судя по твоему опъ холода дрожанью, крайнюю нужду? — Цяпъ человекъ дѣшей, милосивѣйшій государь! отвѣчалъ незнакомецъ, вздохнувши: глусшъ буду я дрожать опъ холоду; только бы спаси ихъ опъ голоду. Работа моя, доставлявшая мнѣ насущный хлѣбъ, прекратилась и спрашныя челюсти голода, кажешся, споль же ужасны, какъ и челюсти Холеры. — Вы бы обратились съ просьбою къ шѣмъ, которые имѣютъ болѣе, нежели вы; имѣютъ даже съ избыткомъ. — Многие изъ нихъ имѣли и прежде желѣзные сердца, вскричалъ не-

знакомецъ : но тогда покрайней мѣрѣ мы видѣли ихъ посмуглѣвшія отъ скупости лица , покрайней мѣрѣ отъ гордости про-
 стягивали они къ бѣдному руку , не давнѣо
 щипавшую кучи золоша , съ копѣйкой; но
 нынѣ мы не видимъ даже самыхъ лицъ , не
 видимъ слѣдовъ ихъ; они забыли, что сами
 челоѣвки, забывши, что неумолимая смершь,
 можетъ быть , похишитъ ихъ скорѣе, не-
 жели самага послѣдняго бѣдняка. Однако
 добродѣтельные люди являющіеся среди опа-
 сностей , и будучи пронуты челоѣколю-
 біемъ поспѣшающъ на помощь спраждуще-
 му челоѣческву. Сей часъ я иду въ лавку
 Московскаго купческаго сына Бориса Ва-
 сильевича Спрахова, отпускающаго муку,
 вмѣсто 150 к., по 80 коп. за пудъ ; а сей
 часъ иду съ завода Григорья Максимовича
 Шелапушина , который отпускаетъ хло-
 ринѣву воду безденежно , а завтра пойду
 во вновь открываемую больницу въ домъ
 Надворнаго Совѣтника Фавста Петровича
 Макеровскаго , который домъ сей един-
 ственно изъ челоѣколюбія отдалъ подъ
 больницу безденежно. — Помогаетъ ли Меди-